

Соотношение «язык и личность»: к вопросу о построении синтезирующей модели

© Е. С. Киреева, 1998

Будущий историк языкознания, обращаясь к периоду конца XX века, вероятно, отметит особый интерес исследователей к проблеме изучения личностно-субъектного фактора в общении или соотношения «языка и личности», подметив не столько возрастающий интерес к характеристикам, особенностям, структуре языковой личности, сколько стремление охватить и осмыслить языковую личность как особый феномен.

Опору для построения интегративного рассмотрения вышеуказанного соотношения можно усмотреть в идее субъективности человека, в свойстве самодетерминации его бытия в мире (в философии, как известно, для обозначения этого рода причинности используется термин «*causa sui*» — «причина себя»).

Языковая личность не является гомогенным образованием, но представляет собой многоуровневое явление. Ее структура коррелирует со множественной структурой личности (с субъектным модусом бытия личности). Из этого следует, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю — к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов, 1987: 7]. И наоборот, не зная базовых установок самого «творца»/«пользователя», нельзя в полной мере оценить его речевое поведение. Таким образом, структура языковой личности взаимосвязана с языковой структурой личности, а исследование речевого поведения индивида является вместе с тем исследованием его и как личности.

Проблема соотношения «языка и личности» сложна и многоаспектна. В ее рассмотрении заинтересованы различные науки: философия, психология, социология, этнография, антропология и др. Современное языкознание также не остается в стороне: «Языковая личность — вот та сквозная идея, которая... пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [Караулов, 1987: 3]. Правда, возможность такого подхода предвидел еще Ф. де Соссюр, не отрицавший использования «принципа дополнительности»: «... с какой бы стороны ни подходить к вопросу, нигде объ-

ект не дан нам во всей целостности... Если мы изучаем явления речевой деятельности одновременно с нескольких точек зрения, объект лингвистики выступает перед нами как груда разнородных, ничем не связанных между собой явлений. Поступая так, мы распахиваем двери перед целым рядом наук: психологией, антропологией...» [Соссюр, 1977: 47].

Необходимость поворота современного языкознания к исследованию взаимосвязи «языка и личности» обусловлена состоянием изысканий в этой области знания, ориентирующихся на изучение языка и мышления, внутренней речи, специфики структуры дискурса, его восприятия, понимания и воздействия. Эти тенденции еще раз подтверждают тот факт, что языкознание вступило в новую полосу своего развития, когда наряду со «смыслом языкового выражения», т. е. «чистой» семантикой, рассматривается «смысл извне», «смысл говорящего», «смысл слушающего». Если система языка «локализована» в мозгу говорящих и если мы представляем структуру самой системы, то можно, очевидно, исследовать и предпосылки ее становления, и способы ее функционирования. Можно также предположить, что аналогичная, но невербальная структура характерна и для человека, использующего язык.

Взгляд на языковую личность как на соотношение «ролевого» и «субъектного» вполне правомерен для соотнесения ролевого аспекта бытия и поведения человека (социокультурные роли) и его субъектного опыта (психологические роли / эго-состояния, по Э. Берну), представленного внутренними / психологическими характеристиками человека, присущими ему изначально.

В своей совокупности оба этих модуса определяют речевое поведение личности, а реализация целостного описания речевого поведения зависит от построения синтезирующей модели, позволяющей классифицировать языковые средства, служащие средствами экспликации ролевого и субъектного модусов в межличностной коммуникации.

В ходе наших исследований мы пришли к следующему выводу: уровни организации языковой личности коррелируют с ее трехуровневой неязыковой структурой, которую мы рассматриваем как субъектный модус, соотносящийся с ролевым модусом (при описании и классификации уровней субъектного модуса личности [психологических ролей] возможно использование трансактного анализа Э. Берна).

Языковую личность можно исследовать с трех позиций: (1) с позиций лингводидактики (закономерности научения языку), (2) с теоретико-лингвистических позиций (изучение языка художественной лите-

ратуры) и (3) с психолингвистических позиций (изучение психологии языка и речи).

С лингводидактических позиций языковая личность [Богин, 1984] рассматривается как обладающая «готовностью» к осуществлению речевых поступков разной степени сложности. Выделяется три уровня владения языком: нулевой (владение обыденным языком), первый (позволяющий строить «картину мира») и второй (позволяющий осознавать систему мотивов и ценностей в языковой модели мира). В структуре языковой личности также выделяются три уровня: (0) — вербально-семантический, (I) — тезаурусный, (II) — мотивационный.

Границы между уровнями условны и зависимость между ними не однозначная. Для перехода от одного уровня к другому необходима экстралингвистическая информация, «поставляемая социальной составляющей языка и связанная с «историей» языковой социализации данной личности, «историей» ее приобщения к принятым в данном обществе стереотипам в отношении жизненно важных понятий, идей, представлений, «историей» их усвоения и присвоения в процессе социализации» [Караулов, 1987: 45]. Переход от одного уровня к другому может осуществляться с помощью субъектного модуса, поскольку обмен содержанием осуществляется коммуникантами, являющимися «носителями определенных характеристик (среди них важное место занимают социальные, физические, психологические, интеллектуальные и речемыслительные) и которые ставят перед собой в акте общения те или иные цели, а также применяют для их достижения те или иные речевые средства» [Тарасова, 1992: 11].

На сегодняшний день, благодаря работам в области социальной психологии, социолингвистики, социальные роли (ролевые модусы) изучены вполне достаточно, тогда как к описанию субъектных модусов лишь только подходят. Исследователи отмечают, что многие люди, осознавая наличие социальных ролей, определяющих их вербальное и невербальное поведение, не учитывают, что их поведение обусловлено и фактором субъектным.

С теоретико-лингвистической позиции языковая личность также трехмерна [Караулов, 1987: 91], а ее структура корректирует с представленными в лингводидактической модели уровнями: вербально-семантический — ассоциативно-семантический, тезаурусный — лингво-когнитивный, мотивационный — мотивационно-прагматический.

На каждом из трех уровней языковая личность использует соответствующие языковые стереотипы. На I (ассоциативно-семантическом)

уровне стереотипами являются стандартные словосочетания, безэквивалентная и фоновая лексика. К стереотипам II (лингво-когнитивного) уровня относят понятия, отражающие особенности индивидуальной и социальной «картины мира» (базовое стереотипное ядро знаний). Такими, в частности, являются фразеологизмы. На III (мотивационно-прагматическом) уровне стереотипы выступают в качестве прецедентных текстов («культуросфера»).

К невербализованной части ассоциативно-семантической сети (I уровень) относят пассивный словарь, единицы которого, конечно, могут активизироваться. Такая семантическая «конвекция» характеризует и обыденное состояние лексикона личности, в котором одни слова переходят из потенциального словаря — в активный запас, а другие — в пассивный. К невербализованной части тезауруса (II уровень) относят единицы «промежуточного языка», реализующиеся в образах и схемах действий, сопровождающих дискурс. В невербализованную часть «коммуникативной сети» (III уровень) входят «типовые ситуации общения» и коммуникативные социальные роли, овладение которыми происходит в процессе социализации [Караулов, 1987: 92-93]. Иными словами, в нее входит то, что мы называем ролевым модусом.

Субъектный модус определяется в категориях транзактного анализа. Из концепции транзактного анализа [Берн, 1992] следует, что личность является многоуровневым образованием, состоящим из трех эго-состояний / психологических ролей: Ребенка, Взрослого, Родителя, — соотносимых с тремя уровнями в структуре языковой личности: (I) ассоциативно-семантический уровень коррелирует с эго-состоянием Ребенок, (II) лингво-когнитивный — с эго-состоянием Взрослый и (III) мотивационно-прагматический — с эго-состоянием Родитель.

Учитывая такое соотношение, мы можем интерпретировать незавершенность («обрыв» сфер) ассоциативно-семантической (I) и коммуникативной (III) сетей как «входы» языковой личности, через которые на нее оказывают влияние: а) с одной стороны, внутренний, интериоризованный ею языковой опыт, накопленные языковые впечатления или импульсивное эмотивное начало (Ребенок) и б) с другой стороны, внешнее, экстериоризованное начало (овладение социальными нормами и правилами / социокультурными ролями): эго-состояние Родитель. А «медиатором» между I и III сферами выступает Взрослый (соответствующий II зоне).

Заполнение «картины мира» языковой личности может осуществляться через (а) коммуникативную сеть, т. е. через реализацию комму-

никативных потребностей (социальные стереотипы, понятия, социальные роли и др.) и (б) через тексты (межпоколенный опыт, или «коллективное бессознательное»). Тезаурус личности как способ организации знаний о мире «стремится» к стандартизации структуры, к выравниванию ее у носителей конкретного языка.

Феномен «промежуточного языка» — это феномен, указывающий на структурное несоответствие мысленного содержания его речевому выражению: «То, что в мысли содержится симультанно, то в речи развертывается сукцессивно» [Выготский, 1981: 174]. А У. Мак-Каллок [McCulloch, 1964] пришел — на основе результатов нейрофизиологических исследований — к следующему выводу: «Язык, с помощью которого передается информация (в мозге) ... не соответствует и не должен соответствовать тому языку, которым люди пользуются в общении друг с другом» [цит. по: Прибрам, 1975: 15].

Термин «промежуточный язык» был введен в научный обиход Н. И. Жинкиным [Жинкин, 1960] для обозначения языка переходной ступени — между языком мозга и естественным (словесным) языком. Н. И. Жинкиным использовались и такие понятия: «смешанный код», внутренняя речь, универсальный предметный код (УПК), «язык внутренней речи», внутренний, субъективный язык, «изобразительный язык внутренней речи». В работах других авторов используются иные термины: предметно-схемный код, предметно-изобразительный код, внутриречевой смысловой код, УПК мышления, нейтральный язык, язык-посредник. (Ср. также: «внутреннее программирование не зависит от языка, по крайней мере, в плане самих «смыслов», а не кода, который используется для их закрепления» [Леонтьев, 1967: 12].)

Развивая мысли Н. И. Жинкина, Ю. Н. Караулов указывает, что ключевым является оценка промежуточного кода как смешанного: в нем есть и то, что называют «внутренней речью», и то, что можно назвать «языком мысли». Другими словами, внутренняя речь и интеллект (по Н. И. Жинкину) должны быть соединены таким образом, чтобы одна сторона («язык мысли») была «ориентирована» на интеллект, а другая сторона («внутренняя речь») — на реальный звуковой поток. Иными словами, промежуточный язык занимает «прослоечную позицию», выполняя посредническую функцию и допуская трактовку с двух противоположных одна другой позиций — от текста, с позиций внешней речи, и от интеллекта, с позиций коррелированных с наблюдаемой речью интеллектуальных (когнитивных) структур и процессов [Караулов, 1987: 186].

В отечественных философско-психологических работах признается, что личность представляет собой сложный комплекс разнообразных свойств, находящихся между собой в тесном взаимодействии и являющихся целостным образованием. В них обсуждаются попытки нахождения «посредников» (медиаторов), которые обладали бы свойствами гетерогенных, но по необходимости объединяющихся признаков. Например, для П. А. Флоренского [Флоренский, 1995] в качестве посредника выступал культовый символ, обладающий свойствами как реального (практически используемого объекта), так и богатой смыслом идеи. Г. Г. Шпет [Шпет, 1989] отмечая разнородность мышления и практики, рассматривал в качестве медиатора слово, являющееся одновременно и реализующимся на практике действием, и средством мышления. Для М. М. Бахтина возрождение целостности человека возможно через событийный поступок. Понятие поступка, как считает М. М. Бахтин, выражает важнейшую онтологическую категорию: «Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и неповторимую единственность переживаемой жизни, но нет единого и единственного плана, где оба лика взаимно себя определяли бы по отношению к одному-единственному единству» [Бахтин, 1986: 83].

Л. С. Выготский, анализируя единицы психического и наделяя этой ролью знак-значение, продолжил традиции поиска посредника, обладающего двойственными свойствами. Л. С. Выготский указывал на предикативность слов, составляющих внутреннюю речь (поток мысли, или промежуточный язык): «В виде общего закона мы могли бы сказать, что внутренняя речь по мере своего развития обнаруживает не простую тенденцию к сокращению и опусканию слов, не простой переход к телеграфному стилю, но совершенно своеобразную тенденцию к сокращению фразы и предложения за счет опускания подлежащего и относящихся к нему слов. Пользуясь методом интерполяции, мы должны предположить чистую и абсолютную предикативность как основную синтаксическую форму внутренней речи» [Выготский, 1981: 166]. Обратный процесс, «т. е. процесс понимания и запоминания речи или текста, сопровождающийся компрессией... не может быть предикативным, поскольку тезаурус... а предикативен, и поток промежуточного языка в процессе понимания должен быть, следовательно, по преимуществу номинативным» [Караулов, 1987: 205-206].

Следует выделить два уровня посреднических функций поступка (в том числе и речевого). На первом, экстрасубъектном уровне, действие

(или поступок) обеспечивает взаимодействие человека с внешним миром (на схеме структуры языковой личности это обозначено обрывом «входа» в коммуникативную сеть). На втором уровне, который может быть назван интрасубъектным, обеспечивается взаимодействие между личностью и образующими рефлексивного слоя сознания (эта составляющая тоже открыта для «входа»). Именно таким образом речевой поступок, или речевой акт, становится посредником в соотношениях с образующими сознания и внешним миром, становится «двуликим», выполняя функцию посредника между ассоциативно-семантическим и мотивационно-прагматическим уровнями. Считается, что «... интериоризованный ряд элементов промежуточного языка связан одновременно сложными отношениями не только с внешним речевым потоком (через ассоциативно-вербальную сеть), но также с тезаурусом языковой личности и системой ее коммуникативно-деятельностных потребностей. Иными словами, даже в элементарном речевом акте всегда проявляется взаимодействие всех трех уровней организации языковой личности — семантического (ассоциативно-вербальная сеть), лингво-когнитивного (тезаурус) и прагматического» [Караулов, 1987: 189].

Особенностями слова (как одного из элементов промежуточного языка) являются: (а) детерминизм связи означающего и означаемого, (б) знаковый характер этой связи и (в) расширение значения при переходе внешнего слова во внутреннее.

Коррелируя с другими единицами промежуточного языка (образами, фреймами, гештальтами), внутреннее слово приобретает «заголовочный» характер, символическую функцию, соотносится с единицами тезауруса личности. Но, приобретая статус единицы промежуточного языка, внутреннее слово «теряет свой грамматический облик, сокращается до нескольких букв (звуков), превращается в отрывок слова, в намек, но намек уже не на слово внешнего языка, а на целый семантический комплекс, блок знания» (Там же: 207).

Исходя из вышеизложенных положений о специфике промежуточного языка, отметим следующее.

Во-первых, промежуточный язык и вербален, и невербален, т. е. «кентавричен» (ср.: М. М. Бахтин, П. А. Флоренский, Л. С. Выготский).

Во-вторых, исходя из слов М. М. Бахтина о том, что сознание может «приютиться» в слове, а вне этого «... остается голый физиологический акт, не освещенный сознанием, не освещенный, не истолкованный знаками» [Бахтин, 1986: 14], можно сказать, что знак становится знаком, только выйдя из промежуточного языка во внешнюю речь (на III уро-

вень). А без такой связи (II и III уровней) единицы промежуточного языка оказываются необратимыми. Таким образом, знания могут быть зафиксированы лишь с помощью знаков (но не обязательно слов). Но все же, как отмечает Ю. Н. Караулов, «... вербализация, языковое оформление выступает как важнейшее знаковое средство материализации знаний, причем для осуществления акта передачи, акта коммуникации знания должны быть трансформированы в значения, должны быть переданы средствами языковой семантики. Знание само по себе внеграмматично, амодально и синкретично по отношению к предмету и действию, значение же всегда опосредовано грамматикой, отягощено... категориальными, модальными ограничениями... Процесс понимания есть процесс перехода от значений к знаниям, тогда как обратный процесс — речепроизводства — направлен противоположным образом — от знаний к значениям» [Караулов, 1987: 209-210]. Кроме этого, при переходе на III уровень знание лично (прагматически) окрашивается: иллюквативный потенциал языкового выражения становится зависим от контекста его употребления.

Возвращаясь к вопросу о возможности целостного описания бытия человека, а также речевого поведения как одного из важнейших его проявлений (ср. М. М. Бахтин), следует указать на следующее. Идея целостности отсылает к пониманию человека как части более широкого поля, включающего и внутренний мир, и среду его бытования. В этом единстве существует «контактная граница» (соответствующая II уровню и коррелирующая с «двуянусовым» Взрослым) между индивидом (I уровень — Ребенок) и средой (III уровень — Родитель). Функция II уровня — двулика: она допускает и контакт со средой, и уход из нее (ср. процесс «развертывания» и «компрессии»).

Соотношение «языка и личности» может быть представлено следующим образом:

(I) ассоциативно- семантический уровень	(II) лингво- когнитивный уровень	(III) мотивационно- прагматический уровень	Р	М
СУБЪЕКТИВНЫЙ МОДУС			Л	О
Ребенок	Взрослый	Родитель	Е	Д
			В	У
			О	С
			Й	

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1998. - Вып. 4. - 128 с. ISBN 5-7552-01-11-0

Л и т е р а т у р а

1. Бахтин М. М. К философии поступка. Философия и социология науки и техники // Ежегодник философского общества (1984-1985). М.: Наука, 1986. С. 7-94.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. Л.: Лениздат, 1992. — 400 с.
3. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. — 44 с.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь. Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — 400 с.
5. Жинкин Н. И. Исследование внутренней речи по методике центральных речевых помех // Известия АПН РСФСР. 1960. № 113.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. — 263 с.
7. Леонтьев А. А. Внутренняя речь и процессы грамматического порождения высказывания // Вопросы порождения речи и обучения языку. М., 1967. С. 7-32.
8. Прибрам К. Языки мозга: эксперименты, парадоксы и принципы. М.: Прогресс, 1975. — 464 с.
9. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. — 695 с.
10. Тарасова И. П. Смысл предложения-высказывания и коммуникация: Автореф. ... д-ра филол. наук. М., 1992. — 44 с.
11. Флоренский П. А. Иконостас. М.: Искусство, 1995. — 252 с.
12. Шпет Г. Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. — 601 с.
13. McCulloch W. S. Embodiments of mind. Cambridge: Massachussets Inst. of Technology Press, 1964. — 402 p.